

Елена Рахманова

Городская
романтическая
комедия

Любит —
не
любит

Елена Рахманова

Любит – не любит

«Центрполиграф»

2010

Рахманова Е.

Любит – не любит / Е. Рахманова — «Центрполиграф», 2010

Продюсер Венчик, секретарша Бина, начальник отдела Максим и его сотрудница Тина однажды отправились в кафе. Все было прекрасно, мило и весело. Бина считала, что потихоньку приручает ветреного Венчика, а Макс и Тина наслаждались романтикой конфетно-букетного периода, за которым уже маячило брачное предложение, свадьба и радости супружеской спальни. По нелепой случайности поцелуй страсти достался не той, кому предназначался, и карты судьбы легли в совершенно неожиданном раскладе.

© Рахманова Е., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Рахманова

Любит – не любит

Глава 1

– Медам и месье, экипаж приветствует вас на борту лайнера компании «Эр Франс». Наш самолет выполняет рейс Лондон – Париж. Полет будет проходить на высоте десяти тысяч метров над уровнем моря, – ослепительно улыбаясь, произнесла стюардесса Николь, как значилось на бейджике, приколотом к ее строгому синему пиджаку. – Желаем вам приятного полета.

Слова она выговаривала медленно и тщательно, как если бы наперед знала, что не все сидящие перед ней в совершенстве владеют французским языком. Впрочем, так оно и было на самом деле.

– Простите, вы впервые летите во Францию? – спросил свою соседку пассажир, расположившийся в первом ряду.

– О нет. Франция – моя родина, и я возвращаюсь домой, – ответила девушка лет двадцати трех – двадцати пяти с длинными русыми волосами, собранными в хвост, и с живыми темно-серыми глазами. – А вы, месье?..

– Извините, я не представился, – спохватился ее собеседник и, чуть склонив голову, произнес: – Патрик Беранже, предприниматель. И хотя по роду деятельности мне пришлось объехать чуть ли не весь мир, в вашу страну я направляюсь первый раз.

– Но как же так? У вас же явно французская фамилия, – удивилась девушка.

– О, она досталась мне по наследству от отца, который был уроженцем Марселя, но две трети своей жизни прожил в Лимерике, в Ирландии, – пояснил месье Беранже. – Моя мать оттуда родом, и она наотрез отказалась покидать родину, давая согласие выйти замуж за моего отца.

«А ведь он действительно мог быть сойти за ирландца», – подумала девушка, глядя на рыжеватые волнистые волосы соседа, едва заметные веснушки и густые светлые ресницы, обрамляющие глаза цвета орехового масла, как любят говорить в подобных случаях американцы. Ресницы были почти незаметны, когда он смотрел прямо, и тогда взгляд молодого человека казался каким-то незамутненным и незащищенным. Но стоило ему чуть опустить веки и склонить голову набок, как его лицо приобретало насмешливое выражение, а ресницы, словно солнечные лучики, отходили от глаз. «Просто душка, – признала она. – И так похож на моего обожаемого Роберта Редфорда, с ума сойти можно!»

– Ой, – смутилась девушка, по наступившему молчанию поняв, что настал ее черед говорить. – А меня зовут Натали, Натали де Канту. Я виконтесса, – скромно потупившись, представилась она, но тут же, расплывшись в победной улыбке и вскинув на собеседника глаза, добавила: – У нас фамильный замок на Луаре. Не такой роскошный, конечно, как белоснежный Шеверни, который одно время принадлежал Диане де Пуантье...

– Де Пуатье, – тихо поправил ее Патрик.

– Естественно, де Пуатье, – с вызовом ответила Натали. – Я просто оговорила, неужели не понятно? Так вот, наш замок не Шеверни, но тоже очень красивый. С четырьмя угловыми башнями и со рвом, через который перекинут подъемный мост. Правда, теперь во рву нет воды и он зарос густой травой. Зато в кабинете на стенах красуются пейзажи самого Гюбера Робера и стоит мебель эпохи классицизма. А в главной гостиной над камином висит портрет моей прапрабабушки кисти самого Жана-Оноре Фрагонара. Вот!

Так и казалось, что, довольная перечислением фамильных сокровищ, она высунет язык, как бы придавая этим подростковым жестом весомость всему произнесенному ранее.

«Виконтесса просто прелесть, – не мог не признать Патрик. – Она сама непосредственность и открытость... но явно до известных пределов. Как удачно, что судьба свела нас здесь, а то я мог бы и не обратить на нее внимания. Что было бы крайне досадно, поскольку...»

Он так и не сумел довести до конца мысль, почему более близкое знакомство с этой девушкой предпочтительнее общения, ограничивающегося простыми словами приветия и фразами чисто утилитарного содержания. В разговор вступил солидный мужчина в дорогом, хорошо сшитом костюме и в шелковом полосатом галстуке – член совета директоров крупного лондонского банка Джеймс Коллинз.

Финансист сначала посмотрел на стюардессу, словно спрашивая у нее разрешения заговорить, и, получив подбадривающий кивок, с достоинством произнес:

– Я тоже первый раз лечу во Францию. Париж – столица Французской Республики. Там есть Лувр – крупнейший музей мира, где хранится знаменитая «Джоконда» кисти Леонардо да Винчи; площадь Звезды с Триумфальной аркой в центре, под которой находится Могила Неизвестного Солдата; Елисейские Поля...

– А еще «Мулен Руж» и пляс Пигаль, – прошептал на ухо своей соседке рыжеволосый молодой человек и на чистом русском языке добавил: – Как насчет того, чтобы после глубокого «погружения во французский» благополучно всплыть на поверхность и бросить якорь в каком-нибудь симпатичном местечке неподалеку?

Глаза девушки обрадованно расширились, и она энергично потрянула головой:

– С удовольствием!

– Медам и месье, прошу вас не отвлекаться! – раздался громкий голос «стюардессы», и урок французского языка продолжился...

Двери конференц-зала распахнулись так неожиданно, что Вениамин Диктов едва успел отпрянуть от секретарши Альбины, с которой мило общался, чуть ли не вплотную придвинув к ее лицу свою гладко выбритую обаятельную физиономию.

В приемную высыпала горстка сотрудников фирмы, занимающихся изучением иностранного языка.

– Салют, погруженцы! – поприветствовал их Вениамин и шагнул навстречу.

– Сколько лет, сколько зим!

– Кого мы видим на этой картинке! Диктов собственной персоной!

– И тебе салют, дружище!

– Как поживаете?

– Что привело тебя к нам?..

Вениамин Диктов – в недавнем прошлом муж одной из преуспевающих сотрудниц фирмы – еле успевал отвечать на приветствия и вопросы. Он всегда и везде был своим человеком. А что касается представительниц прекрасного пола, так они млели от одного только взгляда его серо-голубых, с мечтательной поволокой глаз. И Венчик отвечал взаимностью им всем без исключения, невзирая на их возраст, внешние данные и семейное положение. Правда, одним чисто платонически, тогда как у других был шанс рассчитывать и на нечто большее¹.

Катастрофу могло предотвратить лишь благоразумие означенных особ, ибо всем хорошо было известно, что, однажды попав в тенета семьи и брака, Венчик поклялся впредь не допускать подобных ошибок. Не его это предназначение – хранить верность одной-единственной женщине, когда вокруг полно юных прелестниц, чаровниц чуть постарше и шикарных особ бальзаковского возраста...

¹ Подробнее о событиях, в которых задействовано большинство героев этого произведения, написано в романе «Рожденная заново».

– Боже, Тиночка, неужели это ты? – вскричал Вениамин, увидев «виконтессу», и на правах старого приятеля заключил ее в объятия. Далее последовал троекратный поцелуй, вызвавший гримасу легкого неудовольствия на лице Альбины.

– Вениамин, отпустите, пожалуйста, мою подругу. Вы же ее смутили своей прямо-таки африканской страстностью, – произнесла секретарша, желая шуткой прервать затянувшееся и слишком теплое, на ее взгляд, приветствие.

– Да брось ты, Бина. Мы же с Тиночкой, можно сказать, породнились год назад. Не так ли? – спросил он и поглядел на девушку, щеки которой и впрямь покрылись румянцем смущения.

Та неуверенно пожала плечами. Действительно, бывшая жена Вениамина приходилась ей родственницей. И на свадьбе Александры, где Тина выступала в роли главной подружки, они с Венчиком целовались, и не раз. Но того вроде как требовала сама церемония, она же оправдывала и некоторую вольность в общении. Сейчас же все было по-другому. Прошел как-никак почти год со дня того знаменательного события, и они встречались не сказать чтобы часто, особенно в последние полгода.

– Даже не знаю, что ответить, – тихо произнесла девушка.

Вениамин понимающе усмехнулся и, еще раз прижав Тину к своей груди, отпустил. Тем временем большинство собравшихся в приемной разошлись по своим делам, благо была пятница и у всех имелись свои планы на вечер. Остались лишь четверо: секретарша Альбина; Вениамин Диктов – по паспорту Николай Николаевич Венедиктов – продюсер и мужчина с горячим любящим сердцем; Валентина, около года назад поступившая на работу к его бывшей жене Александре и сыгравшая большую роль во всех изменениях, произошедших в жизни последней; и рыжеволосый симпатичный парень лет тридцати, которого Венчик видел впервые.

«Ну и чего он тут торчит? – недовольно подумал продюсер. – Ведь ясно же, что мы и без него прекрасно обойдемся».

Вообще-то раздражение Венчика вызывала не только непонятливость незнакомца. Этот тип в терракотового цвета вельветовом пиджаке, рыжеватых брюках, бежевой рубашке и шейном платке, умело подобранном по тону и рисунку к остальной одежде, являл собой образчик мужчины, который практически не оставляет женщин равнодушными. А соперничества Венчик не терпел, особенно на территории, которую привык считать своей.

Правда, он еще не решил, какие у него намерения относительно двух симпатичных особ, находящихся сейчас в приемной, но чем-то привлекательный незнакомец ему мешал. А тут еще следующий удар.

– Тина, ты не забыла, что мы собирались посидеть сегодня вечером в каком-нибудь приятном местечке? – произнес молодой человек в вельветовом пиджаке и вместо девушки почему-то в упор посмотрел на Венчика.

«Каков наглец! – мысленно возмутился тот. – Он что, бросает мне вызов? Не на того напал, парень!»

– Какая чудесная идея! – радостно воскликнул Вениамин. – Не возражаете, если мы с Биночкой составим вам компанию? Я так давно не виделся с двумя этими красавицами, что расстаться хоть с одной из них, не перебросившись парой фраз, было бы просто ужасно!

– А что, больше возможности увидеться с ними вам не представится? – насмешливо спросил его собеседник, склоняя голову набок.

Венчик выдержал его ироничный взгляд и с бесконечной лаской во взоре отрицательно покачал головой.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но не представится. Честное слово. Кстати, Вениамин Диктов, продюсер, – произнес он и протянул руку.

– Максим Латышев, начальник отдела, который, как я понял, раньше возглавляла ваша жена, – сказал рыжеволосый молодой человек и ответил на рукопожатие. – А теперь было бы

неплохо поинтересоваться у наших дам, устраивает ли их такой вариант. Похоже, мы с вами забыли о правилах приличия.

Тину с Альбиной этот вариант устраивал, или они обе решили про себя, что это наилучший выход из создавшейся ситуации. Подруги дружно кивнули.

* * *

Парубок в соломенной шляпе брыль и в ярко-синих шароварах распахнул по очереди дверцы машин и помог девушкам выйти. Еще в приемной фирмы все четверо договорились посидеть в популярном ресторанчике «Хуторок».

Там было шумно, многолюдно, по стенам висели вышитые крестиком рушники и связки лука, то ли всамделишного, то ли искусственного. Гарные дивчины в венках из матерчатых маков и васильков, украшенных пестрыми лентами, разносили заказанные блюда и ставили их на темные деревянные столы.

Вошедшим повезло: столик, к которому подвел гостей дородный метрдотель с накладными висячими усами и в красной свитке, оказался в некоем подобии закутка. Здесь было уютно и довольно уединенно, если слово «уединенно» применимо к помещению, заполненному едящими и пьющими развеселыми посетителями.

– Итак, что будем заказывать? – осведомился Вениамин, раскрывая предложенное им меню.

Все, словно по команде, уткнулись в ламинированные книжечки и погрузились в увлекательное занятие – выбор блюд и напитков, в названиях которых присутствовал украинский колорит.

Не спрашивая ни у кого разрешения, Венчик взял на себя роль хозяина маленькой вечеринки.

Не в его натуре было выпускать из рук бразды правления, когда рядом находилась молодая привлекательная особа. Сейчас же их было сразу две. Одна – сероглазая, с прямыми русыми волосами, другая – с коротко стриженными иссиня-черными кудрями и с темными, как спелые вишни, глазами.

Впрочем, появившись сегодня во второй половине дня в приемной фирмы, где еще год назад работала его жена, он не планировал никаких вечерних посиделок. Просто проезжал мимо и решил заскочить, чтобы повидать знакомых. Со многими здешними сотрудниками продюсер Диктов был накоротке, а секретаршу Альбину – в недалеком прошлом доверенное лицо Александры – считал и вовсе близким человеком. Чего никак нельзя было сказать о самой Бине, если иметь в виду их отношения.

Нет, конечно, секретарша симпатизировала Вениамину Диктову. Даже тайно вздыхала о нем. Но она никогда бы не позволила себе закрутить роман с мужем своей начальницы, да еще всем известным бабником. Твердо уверенная, что ее стезя – это уютный домашний очаг, пара-тройка очаровательных умненьких детишек и обихоженный преданный супруг, Альбина держала свои мечтания под контролем.

Теперь же другое дело. Как каждый стоящий солдат грезит генеральскими погонами, так и любая уверенная в своей привлекательности и уме девушка полагает, что именно ей удастся приручить и одомашнить любого самого необузданного покорителя дамских сердец. Словом, время от времени видя ныне свободного от уз Гименея Венчика, Альбина все больше приходила к мысли, что это мужчина ее мечты и только с ней одной он поймет всю прелесть семейной жизни, когда не хочется никуда уходить из дому. Разве что с любимой и любящей супругой, а впоследствии – и с выводком ребятишек.

Правда, прежде Венчик никогда не выказывал желания пригласить ее на свидание, вполне довольствуясь чашечкой кофе в приемной. Но Альбина не теряла надежды. И вот

сегодня фортуна ей вроде бы улыбнулась. Улыбнулась – потому что Венчик по собственному почину произнес: «Не возражаете, если мы с Биной составим вам компанию?» «Мы с Биной» – это уже кое-что. А вроде бы – потому что все-таки было не ясно, сказал бы он так, если бы не узрел Тину. Вдруг это желание провести вечер в ее обществе подвигло Венчика на сакраментальную фразу?

С улыбкой поддерживая общую беседу о достоинствах перечисленных в меню блюд, Альбина судорожно обдумывала ситуацию. Но, так и не придя ни к какому выводу, решила положиться на волю случая. Точнее, приказала себе держать ушки на макушке и не упустить своего шанса, если появится хотя бы мизерная его вероятность. Что ни говори, а мысль утереть нос многим и многим претенденткам на роль законной спутницы жизни самого Вениамина Диктова внезапно захватила ее целиком и полностью.

Бина подняла взгляд и, устремив поверх меню на Венчика, вложила в него весь трепет своей души.

– Вениамин, прошу вас, сделайте заказ за меня, – произнесла она так, словно во всем мире остались только они одни.

Продюсер восторженно, как боевой конь, услышавший звук полковой трубы.

– А если наши вкусы не совпадают, Биночка? – изогнув бровь, игриво поинтересовался он.

– Уверена, что совпадают, – опуская длинные темные ресницы, ответила девушка.

Тина не придавала этому обмену фразами ни малейшего значения. Зато Максим окинул парочку насмешливым взглядом. Из их компании он был молчаливее всех. Молодому человеку не нравилось, что его оттерли на второй план. Не в его привычках было следовать чужой воле, особенно когда дело касалось представительниц прекрасного пола.

Именно он пригласил Тину провести вечер в каком-нибудь симпатичном местечке, а сейчас в центре событий оказался Венчик. Он сыпал анекдотами из киношной жизни, острил, не давая беседе смолкнуть, но при этом не претендовал на особое внимание Тины. Его явно привлекала ее подруга, яркая, стильная Альбина, и сей факт в конце концов примирил Максима с положением дел. Да, ему навязали общество двух людей, однако их ни в коей мере нельзя было назвать назойливыми или неприятными. «Может, это даже и неплохо для первого раза, – решил он. – Меньше интимности, зато больше непринужденности и раскованности».

– Итак, я зову официантку, да? – спросил Венчик, окидывая своих сотрапезников взглядом. – По-моему, мы сделали наилучший выбор!

Учитывая позднее время, от борща с пампушками решили воздержаться, так же как и от горилки с медом, поскольку мужчины были на машинах. Зато многим прочим украинским блюдам воздали должное, что не могло не сказаться на настроении всех членов их небольшой компании. Не прошло и часа, как они уже испытывали друг к другу самые дружеские чувства.

Венчик ощущал себя в своей стихии, сидя между двумя хорошенькими молоденькими девушками. Максим, не увидев в нем соперника, успокоился и пришел в самое благодное расположение духа. К тому же он заметил, что Тина больше прислушивается к его словам, которые он привычно произносил негромко и сдержанным тоном в отличие от громкого, неосознанно рассчитывающего на восторженно внимающую публику Вениамина.

Альбина, поняв, что подруга не собирается отбивать у нее кавалера, преисполнилась к той душевной нежности и теплоты. Будь у нее обожаемая маленькая сестренка, она и то не могла бы относиться к ней в данную минуту с большей любовью. Ну а Тина впервые почувствовала, как ее сердце бьется часто и неровно, и все потому, что рядом сидит молодой человек, который уже казался ей гораздо симпатичнее кинематографического кумира...

– Раз я плачу деньги, то пусть он и стоит возле меня! Сколько мне надо, столько пусть и стоит! – раздался громкий требовательный голос.

Молодые люди мгновенно на него отреагировали, прервав оживленную застольную беседу.

– Ой, что это там случилось? – тут же заинтересовалась Бина, вытягивая шею по направлению к источнику шума.

– Сейчас выясним, – пообещал ей Венчик.

Метрах в семи от них, у окон, за сдвинутыми вместе столами расположилась шумная компания. Судя по букетам среди кувшинов и бутылок и по сверткам в подарочной упаковке, сваленным на широких подоконниках, там отмечали некую знаменательную дату, причем отмечали довольно весело. И вдруг что-то вызвало недовольство сидящего во главе стола лысого представительного мужчины лет сорока пяти, без пиджака и с ухоженным брющком.

Мужчина грозно хмурил брови и раскатистым басом продолжал требовать, чтобы кто-то немедленно явился перед ним и встал именно там, куда он указывал перстом. Вроде как сказочный Иванушка, призывающий Сивку-Бурку, вещую каурку. Вытянувшись перед ним в струнку девушка с венком на голове прижимала к груди руки и, похоже, предлагала себя вместо отсутствующего. Но не тут-то было.

– Я так понимаю, он не хочет эту миленькую девочку. Ему подавай мальчика, – предположил Венчик и хохотнул, но тут же умолк и сделал вид, будто двусмысленная шутка ненароком слетела с его языка. – Пардон, дамы, я не хотел, – извинился он и добавил в свое оправдание: – Если бы вы только знали, чего можно послушаться на студии. Вот, например, Александра, когда я предлагал ей рассказать анекдот, прежде всего спрашивала, не от осветителей ли он...

– А если от осветителей, то что тогда? – спросила Альбина.

– Тогда она наотрез отказывалась слушать, – нарочито горестно вздохнул Венчик. – А ведь некоторые были на редкость остроумными. Но...

– Что «но»? – спросил Максим, только чтобы поддержать беседу, ибо уже догадался, что последует дальше.

– Но ненормативная лексика. А без нее анекдот не звучал, – пояснил Венчик. – Поэтому Александра...

– Ой, смотрите, подмога подросла! – воскликнула Альбина, в планы которой не входило, чтобы сегодняшним вечером Венчик без конца упоминал имя своей жены, пусть и бывшей.

Действительно, к гневно насупленному мужчине подскочил метрдотель в красной свитке и стал что-то сбивчиво объяснять, почтительно склонившись к уху клиента.

– Ну, то-то же! И пусть, как появится, сразу ко мне! А то без чаевых останется! – пригрозил тот и с довольным видом откинулся на спинку стула.

Праздник удался. Теперь все знали, кто здесь люди первого сорта, а кто – всех остальных сортов...

Позже вечером, в вестибюльчике перед гардеробом, когда Тина пошла попудрить носик, ее неумная подруга все-таки поинтересовалась у швейцара в широких синих шароварах, что за инцидент произошел в зале, когда они ужинали.

– Да Сашок, что их обслуживал, выскочил на улицу перекурить, и...

– И?

– Мимо проезжал милицейский патруль.

– Ну и что? – Теперь уже заинтересовался и Венчик.

– Так менты эти не поленились остановиться и проверить у парня регистрацию. А она аккурат как позавчера кончилась, – пояснил словоохотливый дядечка.

– Неужели забрали? – ахнула Бина.

– Как миленького, – усмехнулся швейцар.

– И что же теперь ваш Сашок делать будет? – сочувственно произнесла подошедшая Тина. Из слышанного она восстановила ход событий.

– Так отмазало его начальство наше, или сам как-то вывернулся, уж не знаю, – сообщил их собеседник. – Но он уже при исполнении, сами посмотрите.

Поглядев сквозь распахнутые двери в зал, четверка увидела Сашка, в почтительном полуклоне внимающего дородному клиенту...

– Как же эти менты угадали, у кого проверять регистрацию, а у кого нет? – задумчиво произнесла Тина, когда они вышли на улицу.

– Так любой из них может запросто заменить собой двух специалистов городской поликлиники, – усмехнулся Максим.

– Каких это? – не поняла Тина.

– Рентгенолога и психолога, – со смешком пояснил он.

На улице они остановились перед двумя припаркованными друг за другом машинами и начали прощаться. Кто из мужчин какую девушку везет домой, и так было ясно. Альбина скользнула в низкий красный автомобиль и уселась на мягком сиденье, прислушиваясь к своим ощущениям с таким видом, будто примеряла дорогую шубку и чувствовала, что о такой она мечтала всю свою жизнь. Тине же было просто приятно, что симпатичный молодой человек, к которому она за этот вечер прониклась еще большим расположением, подвезет ее к самому подъезду. И возможно, кто-то даже увидит, как он распахивает перед ней дверцу и она выходит, опираясь на его протянутую руку.

Во всяком случае, ей очень хотелось, чтобы все было именно так. Когда есть свидетели радостного события, для себя самой оно начинает выглядеть гораздо убедительнее...

Глава 2

Вениамин был достаточно опытный человек, чтобы понимать: сегодняшнюю ночь он проведет не в своей постели. А Альбине хватило сообразительности не разыгрывать из себя наивную простушку, готовую лишиться чувств от страха и смущения, едва оказавшись с мужчиной наедине. В чем-то они действительно хорошо знали друг друга. Точнее, чувствовали на интуитивном уровне...

Крошечную двухкомнатную квартирку девушки можно было обозреть разом с порога, при условии, конечно, что все двери открыты. Поэтому потрясти воображение Венчика своим жилищем секретарша никак не могла. Так же как и сразить наповал своей внешностью. Слов нет, Бина была чертовски привлекательна, плюс к этому умела выигрышно подчеркнуть одеждой и косметикой достоинства фигуры и лица. Но продюсер Вениамин Диктов постоянно вращался в тех кругах, где этим никого не удивишь. На любую красотку, как известно, всегда найдется красотка покрасотистее.

Молниеносно просчитав в уме все возможные варианты, Альбина решила, что в отношениях с Венчиком ей следует делать ставку на тепло, уют и прочие прелести домашней жизни. Конечно, она знала, что Венчик уже был женат. Но знала она также и то, что в браке деловые женщины вроде ее бывшей начальницы Александры никогда не ставят во главу угла быт. Им просто не до него, поэтому они по большому счету передоверяют его посторонним людям – всяким там поварам и официантам ресторанов, приходящим домработницам и дизайнерам по интерьеру.

Альбина же, самозабвенно любя свою маленькую норку, как она называла квартиру, в любую мелочь вкладывала душу, каждый предмет обстановки обдумывала тщательно и долго, а выбирала и того скрупулезнее. Будь ее воля, Бина могла бы провести многочасовую экскурсию, поясняя, почему в большой комнате – целых четырнадцать квадратных метров! – стоит именно этот диван, а не какой-нибудь иной. И почему, к примеру, у журнального столика столешница из матового стекла, а не из коричневатого и прозрачного.

Но она любила не только новые, купленные в магазине предметы обстановки. Гораздо сильнее ей грели душу вещи, связанные с близкими и родными людьми. Так, возможно, Бина компенсировала свою неосознанную тоску по родителям и прочим любимым родственникам. Поначалу она с восторгом обставляла квартирку, доставшуюся ей в наследство от двоюродной бабушки. Но годика эдак через три, наигравшись во взрослую самостоятельную жизнь, вдруг поняла, что никакие подруги и появляющиеся время от времени перспективные в плане создания семьи мужчины не в силах заменить тех людей, к которым прикипела сердцем.

Поэтому Альбина украшала свой дом вышитыми и вязаными салфеточками, старыми вазами, статуэтками, фотографиями в допотопных рамках, знакомых с детства. А поскольку она была девушка со вкусом, то всем этим мелочам находилось выигрышное место. И они привнесли в ее квартиру то своеобразие, которого лишено большинство стандартных современных жилищ, ибо в них помещается только стандартная мебель и расставить ее можно только одним образом, никак иначе. А шторы и напольные покрытия заказываются в одних и тех же салонах из материалов, признанных модными на сегодняшний день...

– А у тебя тут довольно симпатично, – одобрительно заметил Венчик, с интересом оглядываясь по сторонам.

У Альбины с языка чуть было не сорвалось: «Все так говорят», – но она успела сориентироваться и произнесла:

– Спасибо, я рада, что тебе понравилось.

Переход на «ты» с ее стороны в данной ситуации был вполне оправдан и позволял избежать ненужных сложностей в общении. Ведь и так было ясно, зачем оба оказались в квартирке Альбины в столь поздний час.

В доме нашлись бутылочка хорошего вина и хрустальные бокалы. А два яблока и один банан, обнаруженные в кухне, Бина нарезала аккуратными кусочками и с присущим ей художественным вкусом красиво разложила на белой фарфоровой тарелке. То, что на столик хозяйка постелила кружевную салфетку явно ручного изготовления, Венчик не отметил. Зато ощутил необыкновенную благодать, переполнившую все его существо. А так бывало только тогда, когда все складывалось как нельзя лучше. С его точки зрения, естественно...

По затуманившемуся взору Венчика Альбина поняла, что находится на верном пути. И приступила к следующему этапу обольщения ничего не подозревающего бедолаги. Впрочем, Вениамин Диктов весьма удивился бы, узнав, что кто-то считает его бедолагой. Да, конечно, он поднаторел в убаюкивании себя любимого, однако же бдительности не потерял. Венчик жил сегодняшним днем и не привык строить далеко идущие планы в отношении своих пассий. Но допускал, что они могут думать по-другому. Впрочем, это их дело, он же не позволял себе высказываний или поступков, могущих быть истолкованными не в его пользу. Вениамин хорошо усвоил, что можно потерять голову от какой-то женщины, собираться свернуть ради нее горы, а через полгода смотреть на нее и удивляться: и чего это он в ней, собственно, нашел необыкновенного?

Но Альбина этого, к сожалению, не знала и в выполнение задуманного вкладывала всю свою житейскую сообразительность, чисто женскую хитрость и волнение сердца. Без последнего никак нельзя было обойтись. Бина никогда не ввязалась бы в подобную авантюру, не испытывая она чувственного влечения к Венчику.

Она признавала, что он ей нравится, и очень. Дело было за тем, чтобы понравиться ему, тоже очень. А иначе Бина могла просто затеряться в толпе порхающих вокруг него особ женского пола. Значит, следовало чем-то выделиться, запасть ему в душу. Одного только домашнего уюта здесь было маловато. Представить дело так, будто Венчик первый мужчина в ее жизни, она, увы, не могла при всем своем желании. Поэтому решила дать понять, что у нее никогда еще не было возлюбленного, равного ему. Мужское тщеславие – тот самый пунктик, на котором очень даже можно сыграть...

Оказавшись, как и предполагалось, в объятиях Венчика, она не столько предавалась страсти, сколько проводила научно-исследовательскую работу: собирала информацию, подвергала ее разбору, делала выводы. Выясняла, какие ласки, какие позы больше волнуют ее избранника, как смена ритма влияет на его настроение. Предпочитает ли он, чтобы партнерша молчала или же страстными стонами выражала свой восторг. Оказалось, что Венчику страшно нравится, когда она замирает на судорожном вздохе и с закрытыми в блаженстве глазами прислушивается к дивным ощущениям, переполняющим ее.

О, как бы ей хотелось действительно отдаться сейчас этим самым переполняющим ее ощущениям, любить, а не анализировать! Но если она поведет себя правильно, Венчик будет ее до скончания веков. Ради этого стоило и пострадать немного...

* * *

– Боже, кажется, мне никогда еще не было так хорошо, – прерывисто произнес он, в изнеможении откидываясь на диванные подушки и переводя дыхание.

Бина улеглась рядом, свернувшись теплым котенком и положив ладонь ему на грудь – чтобы он каждую секунду чувствовал ее присутствие. Она, как ни странно, тоже испытывала огромное удовлетворение. Сдерживая себя, устремив все свои помыслы и действия на то,

чтобы доставить удовольствие Венчику, она добила-таки своего – услышала заветные слова. И это заставляло ее сердце биться так же гулко и часто, как у убаженного партнера, а голову – кружиться от чарующих сцен, смутно вырисовывающихся в туманной перспективе.

Минут тридцать спустя Альбина осторожно соскользнула с дивана и подняла с пола алый пеньюар. Она не стала надевать его в рукава, а накинула на себя, будто ей внезапно стало зябко. Тонкая ткань окутала ее обнаженное тело романтическими складками.

– Эй, ты куда, малышка? – мгновенно отреагировал Венчик и нарочито огорченным тоном спросил: – Я тебе уже надоел, да?

Бина счастливо распахнула глаза и посмотрела на него так, словно сбылась ее мечта. Словно для нее не было ничего желаннее, как ответить ему:

– Ну что за ерунда пришла тебе в голову! Мне казалось, ты задремал, и я боялась лишний раз пошевелиться, чтобы не разбудить тебя...

Он усмехнулся с самодовольным видом и протянул к ней руки:

– Глупая малышка, ну разве можно спать, когда ты рядом. Иди ко мне...

Альбина не подошла, она впорхнула в его объятия с сияющими от радости глазами. И без каких-либо душевных переживаний. Да и с какой стати мучиться угрызениями совести, когда она не разбивает семью, не уводит жениха у невесты, не сиротит невинных деток. Она просто делает все от нее зависящее, чтобы двоим людям в этом неустойчивом и сложном мире было хорошо. А то, что один из этих людей – она сама, так это же просто замечательно. Ради себя и никому не во вред можно пуститься на любые маленькие хитрости...

Утро Венчик встретил в соседней комнате, на двуспальной кровати. Один. Но по звукам, доносящимся из кухни, он догадался, что очередная серия его многосерийной жизни выйдет просто отличной. В каждой такой серии у него, как и у Джеймса Бонда, была своя красавица. Почувствовав себя суперменом, Венчик поваляжнее расположился среди белоснежных подушек и простыней и приготовился ждать, чем порадует его следующий эпизод серии.

Альбина появилась не в алом пеньюаре, как он предполагал, а в милом домашнем платьице с круглым воротничком и на пуговицах сверху донизу. В руках она держала деревянный поднос на ножках.

– С добрым утром. Не возражаешь позавтракать в постели? – спросила Бина, мило улыбаясь.

Вообще-то Венчик этого не терпел. Попробовал пару раз – и зарекся. На простыне после таких трапез обязательно оставались незамеченными крошки, которые высыхали и не давали спать ночью, впиваясь в тело. Но сейчас он не был уверен, что в этой же спальне проведет следующую ночь. Да и избавляться от противных крошек в случае чего тоже не ему.

– Привет, малышка. С тобой я готов на все, – ответил он и расплылся в ответной улыбке.

Затем Венчик приподнялся и поудобнее устроился среди подушек, а Альбина поставила поднос ему на колени. Сама девушка примостилась на краешке кровати, подогнув под себя ноги. Она наливала ему кофе, размешивала в чашечке сахар, мазала на крохотные тостики масло и джем и подносила к его губам. Ему оставалось лишь уцепить их зубами. При этом оба ойкали, хихикали, словом – наслаждались.

Со стороны это походило на сцену из фильма о красивой жизни, а не из реальности. Альбину уж точно никто никогда так не баловал, но, чего греха таить, ей очень этого хотелось бы. Как, впрочем, и любой другой женщине...

Продюсер нежилась, как кот на залитой солнцем завалинке. Биночка была так трогательна со своей заботой, так неожиданно мила в простом домашнем платьице! Вот она поднесла к его губам очередной тостик, но в самый последний момент, лукаво стрельнув глазами, ловко отправила в свой алый ротик. Проглотив, Бина сладострастно облизнулась розовым язычком.

Венчик закатил глаза и судорожно перевел дыхание. Нет, он все-таки прав: к черту завтраки в постели! Он сам не знал, как ему удалось не смахнуть стоящий на его коленях поднос, не заключить девушку в объятия и не рухнуть вместе с ней на смятые простыни. Вряд ли под платьем у Бины было много надето.

Он обиженно посмотрел на нее. Разве можно быть такой жестокой – дразнить без толку? Он же как-никак живой человек.

– Эй, не делай так больше! – пригрозил Венчик. – А то пожалеешь!

Альбина игриво передернула плечами, и платице, на котором словно сами собой расстегнулись верхние пуговицы, соскользнуло с одного из них.

– Это как же?

– А так, что все это, – он указал на поднос с чашками и тарелками, – окажется на полу!

– И только-то? – нарочито изумленно подняла брови девушка. – Я могу убрать, если мешает.

– Не то слово, как мешает, малышка!

Глава 3

Когда Тина назвала свой адрес Максиму, он был приятно удивлен: самый центр Москвы! Когда остановился у указанного подъезда, его удивление усилилось. Это сколько же надо иметь денег, чтобы проживать в таком месте и в таком доме! Тут явно пахло не одной только зарплатой сотрудницы пусть и преуспевающей фирмы.

Если ты увлечен девушкой и неожиданно выясняется, что она к тому же еще и хорошо обеспечена, – это не может не радовать. Однако Максим не мог упрекнуть себя в меркантильных помыслах – что его не только радовало, но и давало повод гордиться собой, – ибо он положил глаз на Тину, не имея ни малейшего представления о ее благосостоянии.

Но девушка быстро развеяла недоумение молодого человека. Квартира принадлежала Александре, и она лишь временно, на правах родственницы, жила здесь. Вроде как присматривала за ней, пока хозяйка наслаждалась вновь обретенным семейным счастьем в деревеньке Выглядовка, что располагалась километрах в ста от Москвы.

Максим слышал о том, как случайно оброненная врачом фраза в конечном итоге круто изменила жизнь его предшественницы на рабочем месте. Однако трое – Тина, Альбина и, естественно, Вениамин Диктов, – не только посвященные в события той поры, но и принимавшие в них непосредственное участие, не слишком хвалились своей осведомленностью. Максим же усвоил лишь следующее: ему крупно повезло, когда его взяли на освободившуюся должность в процветающую фирму, а больше его ничто особо не должно волновать. У него есть голова на плечах, да и фортуна ему благоволит. Поэтому он с легкостью расстался с мыслью о богатстве Тины. Если дело дойдет до... до чего-то серьезного, он вполне сможет и сам содержать семью.

– Прости, что не могу пригласить тебя к себе, – со вздохом сожаления произнесла его спутница. – Александра Ивановна мне ничего не запрещала, но я сама пообещала ей не приводить в квартиру никого без ее ведома. По-моему, это правильно. – И она посмотрела на Максима так, словно искала у него поддержки.

– Ничего страшного, не переживай. Я все понимаю, – улыбнулся он ей. – Тогда, может, в следующий раз поедem ко мне?.. Посидим, поболтаем, кофейку попьем?

Говоря «посидим, поболтаем, кофейку попьем», Максим имел в виду именно это, и ничего больше. «С ней не стоит торопить события, – подумал он. – Она из тех девушек, которые прочно стоят на земле и всего предпочитают добиваться сами. Тине надо самой прийти к выводу, что, кроме меня, ей никто не нужен».

– Хорошо, договорились.

В ее голосе Максим уловил облегчение. Она явно услышала то, что хотела. Значит, он находился на верном пути.

Он проводил ее до подъезда и поцеловал в щеку. Девушка еще раз обернулась у входной двери и помахала вслед его отъезжающей машине...

Тина вошла в квартиру, уже не обращая внимания на роскошь обстановки, которая так поразила ее, когда она очутилась здесь впервые. Правда, девушка никогда и не воспринимала квартиру как свою. Даже в мечтах не видела себя хозяйкой всего этого великолепия.

– У меня все будет не так, как здесь, – не раз говорила она и себе, и другим. – Меньше, дешевле, но от этого ничуть не хуже, потому что – мое.

Из всех помещений квартиры Тина пользовалась только ванной, кухней и гостевой спальней, предпочитая в остальные комнаты не заходить. Она даже предложила Александре запереть их на ключ – как говорится, от греха подальше. Но та возмутилась, заявив, что это излишне, она, мол, доверяет ей целиком и полностью.

Включив в кухне телевизор, Тина уселась на плетеный стул с пестрой, в цветах, подушкой на сиденье и стала в блаженном состоянии наблюдать за мелькающими на экране человечками. В роскошных криолинах и в расшитых золотом камзолах, они очень по-современному выясняли отношения, даже пытались «ботать по фене», не забывая, правда, после каждой фразы прибавлять «милостивый государь» и «прелестная сударыня». А по сути все сводилось к хорошо известному: любит – не любит, плюнет – поцелует, к сердцу прижмет – к черту пошлет. И так на протяжении полутора часов, пока героя и героиню в самых шикарных туалетах пастор в скромной темной сутане не объявил мужем и женой.

– Я тоже хочу замуж, – неожиданно для себя самой решительно произнесла Тина. – Хочу свадьбу, хочу белое пышное платье, фату и лимузин с цветами. И много-много гостей, чтоб видели, как я счастлива!

Никогда прежде ей в голову не приходили подобные мысли, а сейчас они буквально овладели Тиной. «Это наваждение, – подумала она. – Или предчувствие? Предчувствие счастья...»

В телевизоре фильм сменился концертом классической музыки. Дирижер с вдохновенным видом махал руками, зажав в одной из них палочку. Музыканты в исступлении терзали свои инструменты, извлекая из них, видимо, божественные звуки. Но Тина их не слышала, точнее, не могла потом припомнить, что они играли. Но одно она знала точно: мелодия была созвучна ее душевным переживаниям. Иначе она бы ни за что не высидела неподвижно до окончания концерта.

Лишь когда дирижера завалили цветами и он ушел, благодарно кивая восторженно аплодирующим зрителям, Тина словно пробудилась от сна. Тело затекло, но на губах блуждала мечтательная улыбка. Как же она нравилась себе в том пригрезившемся белоснежном платье с кружевным лифом. А как радовались за нее и мама, и папа, и сестренка Ира, и баба Дуня!

Тина довольно улыбнулась: как хорошо, что сегодня они поужинали в «Хуторке» и не надо мыть посуду. А то просто преступление после сказочных видений возиться с грязными тарелками и сковородками.

По правде говоря, девушка очень рассчитывала на то, что ночью ей приснится продолжение ее грез наяву. И она увидит своего новоиспеченного мужа. Интересно, кого? Неужели Максима?..

Но если ей что и снилось, то наутро Тина ничего не помнила об этом. «А жаль, – вздохнула она. – Потому что иногда позарез нужен какой-нибудь знак свыше, подсказка, что все идет как надо. Чтобы действовать, не сомневаясь и полагаясь не столько на свою, сколько на чью-то – мудрую, безошибочную – волю...»

На следующий день, где-то часов в двенадцать, ей позвонил Максим. Они с легкостью поболтали о том о сем больше часа и расстались, весьма довольные проведенным вместе временем и тем, что на завтра договорились сходить куда-нибудь. «Куда-нибудь – это же какой простор для воображения», – размышляла Тина и прикидывала, что наденет, если Максим пригласит ее в кино или в кафе. А вдруг сначала в кино, а потом в кафе?

Вообще-то ей не впервые назначал свидание молодой человек. Но впервые она так сильно волновалась и с таким нетерпением ждала наступления следующего дня. И предчувствия ее не обманули.

Возможно, по нынешним меркам все было благопристойно, благопристойно до тошноты. Они побродили по Парку культуры имени Горького, полюбовались устроенными там цветниками. Повосхищались плавающими по глади пруда композициями из самых разнообразных растений. Посетовали на то, что толпы посетителей безбожно топчут газоны и бросают куда ни попадя пеструю фольгу от мороженого, конфет и семечек. Затем, порядком устав, они отыскали уютный домик-кафе с деревянной открытой террасой. Рядом с оградой цвели ирисы в окружении папоротников. И возле них как раз оказался пустой столик.

– Знаешь, у меня такое ощущение, будто мы с тобой знакомы с самого детства, – сказала Тина, когда они заказали чай со слоеными мясными пирожками и вишневое варенье.

– Ага, с песочницы, – поддакнул Максим.

Его тоже поражала та легкость, с которой они общаются. Не нужно было напрягаться, выискивая темы для разговора. Не возникало желания покрасоваться, нагоняя себе цену. Любое замечание казалось интересным, любой поступок – уместным.

«Никогда бы не подумал, что с такой красивой и сексапильной девушкой, как Тина, я буду рассуждать о цветочках и находить это увлекательным, – мысленно удивлялся Максим. – И даже если, проводив ее до дома, я отправлюсь восвояси, то и тогда не испытаю разочарования. Наверняка это что-то да значит».

Словно отвечая на его мысли, Тина задумчиво произнесла:

– Я слышала, что люди, созданные друг для друга, получают удовольствие, когда просто молча сидят рядом.

– А супруги, прожившие вместе много лет, становятся похожими друг на друга.

Максим с преувеличенным вниманием взгляделся в лицо своей собеседницы. Когда он смотрел на себя в зеркало, то видел симпатичного парня, внешне смахивающего на популярного голливудского киноактера. Однако лицезреть Тину ему было во сто крат приятнее.

– Нет, я все-таки предпочитаю, чтобы ты оставалась такая, какая ты есть, – подытожил он.

– Намекаешь на то, что нам предстоит прожить долго... и вместе? – лукаво улыбнулась Тина.

– Кто знает, кто знает, – подмигнул Максим.

Конечно, это была шутка. Но то, что она была произнесена именно сейчас, говорило о многом.

В понедельник утром Тина, с замирающим сердцем и переполненная впечатлениями, вошла в здание фирмы и поднялась на второй этаж. В приемной, где ее стол стоял напротив стола Альбины и куда выходили двери конференц-зала, кабинета Латышева и двух других начальников подразделений, все было по-прежнему... Нет, не по-прежнему.

Секретарша сегодня была явно не в себе. Она сияла как новенький пятиалтынный. Так говорила баба Дуня, когда видела девицу с таким же восторженно-отрешенным взглядом. Кажется, Бина была здесь и не здесь одновременно. Точнее, телесно она присутствовала на рабочем месте, а всеми помыслами находилась где-то далеко. Там, где так хорошо, что и желать больше нечего.

– Ты чего? – спросила Тина, забыв даже поздороваться, настолько ее поразил вид подруги.

Та с трудом сфокусировала на ней свой взгляд и взвизгнула, потрясая сжатыми кулаками перед грудью:

– Обалдеть!

– Тогда давай рассказывай!

– А у тебя как? – из вежливости поинтересовалась подруга.

– Всему свое время. Сначала ты, – великодушно разрешила Тина.

Ловко брошенная сумочка приземлилась на письменном столе у противоположной стены. А сама Тина быстро налила в кружку уже приготовленного кофе и примостилась на стуле сбоку от стола подруги. Последовал обмен впечатлениями, которого нет ничего увлекательнее, если собеседницы считают, что им есть что поведать друг другу.

Проявив чудеса сообразительности и выдержки, Тина с Биной растянули удовольствие на полдня. И при этом никто из сотрудников фирмы ничего не заметил. Особенно тяжело пришлось Тине. Максим вызывал ее чуть ли не каждые пять минут, и приходилось делать вид, что их, как и прежде, связывает лишь работа. А так хотелось, чтобы все знали: у нее появился

молодой человек, и, похоже, это серьезно. Однако пока было еще слишком рано утверждать это. Их роману было всего два дня от роду.

– Нет, уже пошел третий, – шепнула Тина своему отражению в зеркальце, которое доставала ежеминутно, чтобы поправить идеальный макияж.

С этого момента не проходило ни дня, чтобы подруги не обменивались информацией. Интим-пятиминутка – называла это бойкая на язык и более раскрепощенная по сравнению с приятельницей Альбина. Чего греха таить, в ее сбивчивых, прерывающихся восторженными восклицаниями, многозначительным закатыванием глаз и, к сожалению, производственными заботами повествованиях было много пикантных интимных подробностей. И Венчику и Бине в этой сфере человеческого общения опыта было не занимать. Да и откровенными разговорами «об этом» уже никого нельзя было удивить.

Вот и Тина слушала исповеди подруги не без интереса, но и, как ни странно, без зависти. Поскольку ничем подобным похвастаться не могла. Их с Максимом отношения развивались до странности благочинно. Они ходили в театры, кино, гуляли в парках и по набережным. Сидели вечерами в кафе и ресторанах. Даже обсуждали прочитанные книги. Все у них вроде бы как повторялось, но тем не менее не приедалось, и им не хотелось большего, точнее, секса. Оба словно интуитивно оставляли это на потом, на первую брачную ночь, к которой явно шло дело. Они были как супруги, которые уже много лет вместе и наслаждаются привычным тихим неспешным счастьем.

Вполне возможно, что их отношения были оборотной стороной современной вседозволенности. Секс не являлся для них запретным плодом, который, как известно, сладок. Оба находили удовольствие в предвкушении.

Вероятно, поэтому задушевные, доверительные беседы подружек были так занимательны для обеих. Обе любили по-разному, и их тоже любили по-разному. Но Альбине удавалось с легкостью скрывать от окружающих, кто ее избранник, поскольку она практически не встречалась с Венчиком в стенах фирмы, а разговоры на неслужебные темы по телефону здесь не поощрялись. Зато не прошло и недели, как на Тину стали поглядывать с улыбкой или с любопытством, а некоторые из сотрудниц – с оттенком неприязни. Как-никак Максим Латышев считался завидной партией.

Теперь Тина садилась после работы в машину к Максиму открыто, не таясь, и они уезжали куда-нибудь вместе. Альбина же чаще всего ловила такси или левака и мчалась к себе домой, чтобы подготовить уютное любовное гнездышко к визиту дорогого гостя. Если, конечно, Венчик не придумывал чего-нибудь эдакого: например, свидания в небольшом загородном доме с сауной или на съемочной площадке, в интерьерах снимаемого популярного сериала. Однако Альбина была сторонницей встреч на своей территории. Так она шаг за шагом, постепенно приучала своего избранника к месту. Недаром же говорят, что привычка – вторая натура.

Она ощущала себя дрессировщиком, только подавала команды не строгим голосом, а делала так, чтобы они возникали в мозгу легкомысленного очаровашки Венчика словно сами собой, как отражение его собственных желаний: «место», «лежать», «рядом». Зато «мой хороший», «умница», «как же я тебя люблю» Бина разрешала себе произносить без конца и ласково-преласково, проникновенно-препроникновенно, чувственно-пречувственно...

Прошло два месяца, а романы обеих подруг уже обрели устоявшиеся черты. Альбина с полной самоотдачей играла роль покорной воле султана трепетной одалиски в гареме, мигом преображаясь в очаровательную домохозяйку, когда того требовали обстоятельства. Лишь одно тревожило ее: похоже, всем довольный Венчик считал, что так и должно продолжаться до бесконечности. Зачем что-то менять, когда и так все распрекрасно, возможно, думал он, искренне полагая, что раз хорошо ему, то уж Биночке и подавно желать больше нечего.

Тина же в прямом смысле слова стала постоянной спутницей и собеседницей Максима. Они прошагали вместе многие километры по вернисажам и музеям, прослушали и просмотрели все достойное внимания в театрах и концертных залах. И не могли наговориться, обсуждая все и вся. Словом, медленно, но верно они приближались к тому моменту, когда остается произнести лишь сакраментальную фразу, чтобы и вовсе стать единым целым. Но по традиции сказать «дорогая, прошу тебя стать моей женой» полагалось Максиму.

И вот настал момент, когда в субботу вечером, провожая Тину до дому после очередного похода в кино, он произнес:

– Дорогая Тиночка... завтра я хочу пригласить тебя в один ресторан, не скажу в какой. Пусть это станет для тебя сюрпризом. Пусть все, что произойдет в это воскресенье, будет для тебя приятной неожиданностью, – и поцеловал ее.

Дома она забралась с ногами на кровать и долго сидела неподвижно в темноте, прислушиваясь к своим ощущениям. Свершилось! Тине было радостно и страшно одновременно. Как-никак, а с завтрашнего дня ее жизнь уже не будет такой, как прежде...

Глава 4

Тина отчаянно ругала себя. Ей предстоял судьбоносный вечер, а она так опростоволосилась: оставила на работе сумочку. И не простую сумочку, а ту, что потрясающе подходила к ее новым серебряным босоножкам и к торжественности момента. Дала на очередное ответственное свидание Наташке из бухгалтерии, да так и оставила в столе, когда приятельница ей эту сумочку вернула. Хорошо хоть охранник при входе оказался симпатичным малым, вошел в ее положение и не стал чинить препятствий. А то мог бы и потрепать нервы, ссылаясь на распоряжение начальства не пускать никого из сотрудников в помещения фирмы во внеурочное время и без письменного на то разрешения.

– Я мигом! Только туда и обратно! – пообещала Тина, бросаясь к лестнице и не замечая подозрительной ухмылки охранника.

На лестнице и в коридоре второго этажа было непривычно – пустынно, тихо, сумрачно. На значительном удалении друг от друга горели только дежурные лампочки. И пятна тени, перемежаясь с островками тусклого света, делали коридор похожим на подземелье. Звук торопливых шагов девушки эхом отдавался от пола и стен. Собственное дыхание вдруг показалось ей неестественно громким.

Тине стало не по себе. Даже возникло желание спуститься вниз и, прикинувшись наивной дурочкой, попросить охранника проводить ее до приемной. Но что, если тот поймет ее неправильно, решит, что она с ним заигрывает? Скорее всего, так и будет, потому что бояться – то нечего. Это Тина понимала умом, но чувства отказывались ей повиноваться.

Тревожное, знакомое по детству ощущение, что кто-то неведомый может напасть из-за угла или притаился в темноте приемной, вдруг овладело Тиной. Даже мурашки пробежали по спине. А воображение тут же нарисовало огромное чудовище с множеством лап, какое накануне показывали в американском фильме про громадных и кровожадных пауков-мутантов, что, сбегав из секретной военной лаборатории, обосновались в шахте лифта одного небоскреба.

– Пройдет совсем немного времени, и все останется позади, – шепотом сказала она себе, как делала это всегда, когда оказывалась в кресле у стоматолога. – Минут десять, не больше. – Но и звук собственного голоса не развеял напряженного ожидания чего-то угрожающего.

Вот и знакомая деревянная дверь приемной, на которой под металлической табличкой висит плоский колокольчик на широкой тканой ленте, привезенный кем-то в подарок из Швейцарии.

«Главное – не раздумывать!» – приказала себе Тина и рывком распахнула дверь в комнату с опущенными жалюзи.

Ей удалось сделать всего лишь шаг, как ужас сковал тело, а отчаянный крик замер в горле. Оказывается, она была права: ее поджидали и мгновенно сжали как в тисках.

– Сюрприз, малышка! Сюрприз! – раздалось в затуманенном сознании Тины, и она ощутила, что готова лишиться чувств: слишком резок был переход от парализующего волю страха к интуитивному пониманию того, что причин бояться нет.

Закрыв глаза, девушка стояла и глотала воздух широко открытым ртом. А кто-то – точнее, мужчина – продолжал обнимать ее, довольно посмеиваясь.

– Да что с тобой? Неужели я так тебя напугал? – спросил он наконец.

Тина молча кивнула, она узнала голос и растерялась: как же ей себя теперь вести?

– Прости, если так. Честное слово, я не хотел.

И Венчик поцеловал ее в макушку, туда, куда смог достать. Тина в его объятиях чуть приподняла голову, собираясь сказать, что он ошибся. Она не та, кого он ждал, не Бина... но не успела.

Венчик воспринял ее движение как и любой другой мужчина на его месте, приник к губам Тины долгим страстным поцелуем. И сам удивился, сколь неожиданными оказались ощущения. Будто это был первый настоящий поцелуй в его жизни. «Черт, как же это здорово! – пронеслось в мозгу. – И почему я не чувствовал ничего подобного раньше?» А затем мысли улетучились. Все до единой. Бывают моменты, когда им просто не время и не место...

Тина, правильная, честная Тина ответила на поцелуй, который ей не предназначался. Она просто ничего не могла с собой поделать. Когда все существо словно плавится в медвяном огне блаженства, трудно призвать на помощь рассудок и сказать: стоп, остановись, ты посягаешь на чужое. «А если это больше никогда не повторится? Если так и померешь, не познав до конца, что может быть так хорошо?.. Потом, потом будет время повиниться, попробовать оправдаться, но только не теперь...»

От нее пахло молодой листвой и ландышами, а не пряными восточными ароматами. Волосы под его пальцами не курчавились, а были прямые и шелковистые. Тело, юное упругое тело совсем по-другому отзывалось на его прикосновения. Но Венчику не было до этого никакого дела. С ним творилось что-то странное, прежде неведомое. Он понял, что теряет голову, и это ощущение его пьянило. А потом хоть потоп, хоть трава не расти! Из всех завлекательных мест планеты он хотел сейчас быть только здесь. И не важно, что в его объятиях была не Бина.

– Ты не Бина, – утвердительно произнес Венчик в перерыве между сумасшедшими поцелуями.

– Нет, не Бина, – еле слышным шепотом призналась Тина и вцепилась в его плечи так, будто после этих слов он мог отшатнуться от нее.

Какое там – отшатнуться. Они одновременно сошли с ума и вместе наслаждались своим безумием в полумраке приемной. Они то словно бесцельно передвигались в пространстве, наткаясь на мебель, то застывали на месте, но так и не выпускали друг друга из объятий...

А она стояла и смотрела в приоткрытую дверь на них – на лучшую подругу, для которой так много сделала, и на мужчину, которого уже видела в мечтах своим мужем. Как могли они столь жестоко посмеяться над ней? Неужели специально все подстроили, чтобы избежать тягостного объяснения? Но что-то мешало ей полностью поверить в двойное предательство. «Нет-нет, что-то здесь не так! Это не может быть правдой!» – зудело где-то в сознании.

Не зная, что сказать, не желая выставить себя на посмеище в постыдной роли третьей лишней, Альбина повернулась и бросилась прочь по коридору. Глотая слезы, пронеслась она по лестнице и вихрем проскочила мимо охранника Бориса.

– Эй, Бина, ты куда? – успел только обескураженно бросить он ей вслед. Но ответом ему послужил лишь оглушительный хлопок тяжелой входной двери.

Охранник недоуменно пожал плечами и приготовился ждать, что будет дальше. Наверху оставались еще двое. Выходит, классический любовный треугольник? Любопытно, ничего не скажешь...

До него донесся скребущий по нервам звук. Прервав размышления, Борис торопливо шагнул к двери и, распахнув ее, увидел Альбину, сидящую на асфальте прямо перед машиной. Она трясла головой, из ее глаз текли слезы, которые она размазывала по щекам рукой. А из машины поспешно выбирался Максим Латышев с вытаращенными от ужаса глазами...

Но ни дробного цокота каблучков по коридору, ни удивленного оклика охранника, ни пронзительного визга тормозов под окнами не слышали двое в темной приемной. В их мире происходили совсем другие события.

От быстрого тока крови по венам, от учащенного сердцебиения оба стали задыхаться, как в жару. Им уже не хватало воздуха, одежда душила, стесняла движения. Она вдруг оказалась попросту лишней. И они стали избавляться от нее, расшвыривая по комнате.

Со стороны эти двое мало походили на цивилизованных людей, возведших любовное действо в ранг искусства. Ими владела первобытная страсть, на которую Венчик и Тина еще

час назад посчитали бы себя абсолютно неспособными. Он – весь такой рафинированный, пресыщенный, знающий, казалось бы, все об интимных отношениях мужчины и женщины. Она – неискушенная в плотской любви, но имеющая твердое представление о том, что такое хорошо, а что такое плохо в сфере человеческого общения. И вдруг, оба такие разные, они одновременно будто лишились разума. Словно кто-то более могущественный, чем они, чьей воле они не могли противиться, швырнул их в объятия друг друга. Не оставил им выбора, и они подчинились не рассуждая, подчинились с восторгом.

Ни один из них никогда не повел бы себя так, как сейчас, окажись дома у другого. Положение, как говорится, обязывает. И даже если бы в приемной просто был включен свет или оказались подняты жалюзи, они не позволили себе ничего из того, что вытворяли сейчас. Они бы уже в первую секунду узнали друг друга, поздоровались, обменялись ничего не значащими фразами... А так не было этого узнавания. Вместо них были внезапные объятия, которые все и решили: выпустили на волю демона безудержной страсти.

«Это не я, это не я, – лихорадочно твердила Тина, когда выныривала из водоворота бушевающих ее эмоций и ощущений. – Я на такое не способна... Но какое это было бы горе – не изведать этих ласк, этих поцелуев!» «Господи, как же это замечательно, когда что-то неведомое стремительно мчит тебя, как на крыльях, не давая опомниться, задуматься и при этом порождая чувство безграничного счастья, – думал Венчик. – Никогда бы не поверил, что такое возможно, тем более со мной...»

Вокруг них моментально собралась толпа любопытных. Перебивая друг друга, советовали вызвать милицию, скорую, предлагали валидол, воду из пластиковых бутылок. Альбина раздраженно отмахивалась. Ее хотелось только одного – остаться одной, а она не знала, как это сделать.

– С тобой все в порядке? – встревоженно спросил Максим Латышев, опускаясь перед ней на корточки. – Ты буквально бросилась мне под колеса, я едва успел затормозить.

– Правда? – Бина подняла на него ничего не понимающий взгляд.

Максим кивнул и снова спросил:

– Ты ушиблась? Что-нибудь болит?

«О, болит, и еще как болит! Хоть волком вой от боли, что разрывает сердце!» – могла бы ответить она. Но слишком много вокруг было посторонних.

– Вроде нет, – вяло произнесла она и всхлипнула.

– Встать сможешь? – продолжил расспросы Максим.

Альбина только тут обвела глазами столпившихся вокруг нее людей, перевела взгляд на себя, поняла, что сидит на проезжей части, а ее ослепительно-белые бridжи все в пятнах от грязи. Ей стало неловко.

– Отвезите меня, пожалуйста, домой, – смущенно попросила Бина.

Максим не знал, как быть. Бросить девушку в плачевном состоянии он не мог. Но именно сегодня он собирался сделать предложение Тине, поэтому оделся соответствующим образом и заказал столик в ресторане. А главное – положил в карман пиджака красную бархатную коробочку. Внутри находилось кольцо со сверкающим всеми цветами радуги камешком.

– А может, действительно лучше вызвать скорую? – просительно произнес Максим. – Ты не пойми меня неправильно. Просто... просто мы договорились с Тиной встретиться здесь, а потом...

– Потом суп с котом, – усмехнулась Альбина, и на ее глаза вновь навернулись слезы. Но она не дала им пролиться, шмыгнув носом. – Значит, мы с вами товарищи по несчастью.

С этими словами она протянула ему руку, и Максиму ничего не оставалось, как помочь ей подняться. Затем Альбина, поддерживаемая своим спутником, заковыляла к его машине.

– Что ты имела в виду, назвав нас товарищами по несчастью? – растерянно спросил Максим.

Но Альбина не ответила. Она явно рассчитывала на то, что он отвезет ее домой. Но как же тогда ему быть со свиданием? Разве что позвонить по сотовому Тине и объяснить все...

Кто-то тронул его за рукав, когда он открывал дверцу машины. Максим обернулся и увидел пожилого мужчину с сосредоточенным выражением лица. На нем был пиджак, сшитый, наверное, еще в советские времена.

– Молодой человек, может, возьмете номер моего телефона? – предложил он. – В случае чего я могу подтвердить, что девушка сама кинулась под машину. Вы ни в чем не виноваты.

– Спасибо, не нужно, – поблагодарил Максим. – Сами разберемся.

– Ну, как знаете. – Мужчина со слегка обиженным видом пожал плечами, повернулся и зашагал прочь.

Усадив девушку на переднее сиденье и сев рядом, Максим достал мобильный.

– Я только предупрежу Тину, и мы поедem...

Бина слабым движением руки остановила его.

– Не надо... не надо портить им вечер. Им сейчас не до нас, – пробормотала она... и горько разрыдалась у него на плече.

Наиболее любопытные не спешили расходиться, особо беспардонные даже пытались заглянуть внутрь машины. Озадаченный словами секретарши и желая избавиться от посторонних свидетелей, Максим завел двигатель и вывел машину на проезжую часть.

Сначала она назвала их товарищами по несчастью, теперь попросила не портить им вечер. Кому им? И что за несчастье имела в виду Бина? Он не мог отмахнуться от слов девушки. Но и приставать к ней с расспросами Максим не решался. Не в том она была состоянии: рыдать, правда, перестала, но закрыла глаза и безвольно поникла на сиденье.

Однако и сам Максим чувствовал себя не лучше. Вряд ли кто может быстро забыть, как прямо перед его машиной неожиданно возникает девушка с ничего не видящим взглядом. Хорошо еще, что он уже тормозил, а то страшно подумать, чем бы все это могло кончиться. И не важно, кого бы потом признали виновным в происшествии. Он бы точно казнил себя до окончания веков.

Скосив взгляд, Максим увидел, что, обессилив от слез и переживаний, Альбина, видимо, впала в полузабытьe. Он попытался сочувственно потрепать ее по плечу, но она не отреагировала.

«Час от часу не легче, – вздохнул молодой человек. – Тина ждет меня, наверняка волнуется. А я везу ее подругу неизвестно куда...» Впрочем, почему неизвестно? Только сейчас он сообразил, что находится в двух кварталах от своего дома, в районе Октябрьской площади. Вот те на!

Впрочем, до его дома было гораздо ближе, чем до дома Альбины, проживающей где-то в районе «Речного вокзала». И у себя он точно знал, где что лежит, следовательно, здесь ему будет сподручнее привести девушку в чувство. В чужой же квартире сориентироваться трудно, а Альбина вряд ли смогла бы ему чем помочь. Скорее всего, рухнула бы в кресло и отключилась. Значит, интуитивно он выбрал наиболее подходящий вариант...

Подрулив к самому подъезду, Максим выключил двигатель и с сомнением посмотрел на девушку. Та по-прежнему не открывала глаз.

– Эй, Бина, ты как? – спросил он, осторожно тронув ее за плечо.

Голова девушки сначала откинулась назад, затем свесилась на грудь.

«Одно из двух, – подумал Максим. – Или нести на руках, как романтический юноша свою возлюбленную, или обхватить за плечи и тащить, как перебравшую подружку». И то и другое ему не улыбалось. Тем более что у подъезда торчали две собаководницы со своими питомцами на поводках. Нет чтобы дать побегать бедным псам, так стоят как приклеенные и

чешут языками. А тут еще он даст им такой завидный повод посудачить. Хорошо известно, что сплетня ценна не сама по себе. Ее предназначение – стать достоянием как можно большего количества людей.

Максим это прекрасно понимал. Однако делать было нечего. Он вылез из машины, обошел ее спереди и открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья. Снова попытался привести Альбину в чувство, слегка трянув за плечи. Ресницы девушки дрогнули и поднялись. Она на миг оторопело посмотрела на него, затем закрыла лицо ладонями и набрала в грудь воздуха, явно собираясь снова зарыдать.

– Нет-нет, Биночка, только не это! – шепотом взмолился Максим. – Только не на улице. Подожди до дома!

Альбина обиженно посмотрела на него сквозь растопыренные пальцы, затем отняла руки от лица и медленно кивнула. Выбравшись с помощью Максима из машины, она тут же обхватила его за шею и уткнулась лицом ему в грудь.

– Здравствуйте, Максим, – хором поприветствовали его женщины у подъезда.

– С работы? – поинтересовалась одна из них, на всякий случай подхватывая своего рыжего пекинеса на руки.

– Да, с работы. Вот коллеге стало плохо... и мне пришлось подвезти ее... – начал оправдываться Максим и осекся. Куда подвезти? К себе домой? И о какой работе может идти речь в воскресенье?

– Ну конечно, конечно, – ехидно улыбаясь, произнесла вторая, подтягивая к себе за поводок черного усатого пса средних размеров. Тот упрямылся, намереваясь обнюхать ноги молодой парочки.

– Уберите, пожалуйста, собачку, а то мешает пройти, – попросил Максим, поддерживая девушку, так и норовящую выскользнуть из его рук.

– Сейчас, – сказала владелица недоделанного терьера с совсем уж беспородным хвостом бубликом.

Женщина почти вплотную подошла к молодым людям и за ошейник оттащила упирающегося пса в сторону. При этом она не сводила глаз с Альбины.

Набрав код, Максим протиснулся с девушкой в подъезд. И пока металлическая дверь закрывалась, успел услышать:

– И где он ее подобрал такую, даже на ногах не стоит! Просто диву даешься: как увидишь приличного парня, так с ним обязательно девица самого непотребного вида. И что они в них находят?..

Максим был уверен, что ему плевать на мнение окружающих. А оказалось, вовсе даже нет. Очень захотелось вернуться и, кипя от праведного негодования, рассказать, что произошло на самом деле. Дабы пристыдить кумушек...

Он бы им сказал... А что, собственно, он бы им сказал? Максим понял, что и сам толком не знает, во что оказался втянут и как будет расхлебывать кашу, которую не он заварил. Настраивался на романтический вечер при свечах в обществе будущей невесты, а вместо этого тащит к себе в квартиру секретаршу из фирмы.

Добравшись без особых помех и новых свидетелей до квартиры, он подвел Альбину к дивану. Тут она сама высвободилась из его рук и в изнеможении села.

– Простите, что так получилось, – пробормотала она, мотая головой, чтобы прийти в чувство. – Но вы еще мне будете благодарны... – Бина смолкла и вперила в пространство тоскливый взгляд.

Максим был весь как на иголках. Он опаздывал на свидание с Тиной уже на час. Успокаивало лишь то, что секретарша ходит в подругах у его избранницы. Значит, сможет подтвердить слова Максима, когда он будет оправдываться.

– Биночка, дорогая, пожалуйста, соберись, – попросил он, опускаясь перед ней на корточки. – Посмотри на меня и расскажи, что случилось. Пойми, меня Тина ждет.

Казалось, она отреагировала только на имя подруги.

– Тина ждет? Тебя? – Альбина усмехнулась и вдруг покровительственным жестом потрепала его по волосам. Максима даже слегка покорежило от такого панибратства и от ее «ты». – И где же она тебя ждет?

– Ну, сначала мы договорились, что я заеду к ней домой. Но потом она позвонила и сказала, чтобы я подъезжал к работе. Она сумочку вроде бы забыла... – принялся нетерпеливо объяснять Максим.

– Ах, сумочку вроде бы забыла, – повторила Бина. – Вот стерва, не ожидала от нее такого! – Она подняла глаза на молодого человека. – И сколько ты собирался ее ждать?

– Да нисколько! – раздраженно бросил Максим, теряя терпение. – Я рассчитал время. Делов-то от силы минут на пять: подняться на второй этаж и войти в приемную. Ты лучше не тяни кота за хвост. Я же вижу, ты чем-то расстроена. Если я могу, то помогу тебе. Но ты же толком ничего не говоришь.

Альбина грустно улыбнулась сквозь навернувшиеся опять слезы и снова шмыгнула носом.

– Ну что ж, слушай... – Она уставилась на палас у своих ног. – Не знаю, при чем здесь сумочка, потому что твоя Тина была в приемной не одна.

– Ну и что? – не понял Максим. – Попросила охранника подняться вместе с ней, чтобы потом не было лишних разговоров...

– Нет, милый, с ней был не охранник. – Бина опять, словно неразумного малыша, погладила его по голове. – А Венчик, мой Венчик, и они целовались. Если бы ты только видел, как они целовались!..

– Что ты несешь? – возмутился Максим, резко поднимаясь на ноги. – Какой твой Венчик? И кто с кем целовался?

– Твоя Тина с моим Венчиком. Моим! Понимаешь? У меня роман с бывшим мужем Александры. Дошло? – зло выкрикнула девушка и с кривой усмешкой добавила: – Во всяком случае, я так считала до сегодняшнего вечера.

Словно исчерпав силы, она откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Ошеломленный Максим плюхнулся рядом с ней.

– А ты ничего не путаешь? – наконец с надеждой спросил он.

Альбина, не открывая глаз, помотала головой:

– Нет, ничего я не путаю. Мы собирались сегодня встретиться в приемной. Я подумала, Венчик ищет новых впечатлений, развлекается. Договорилась обо всем с Борькой, охранником. Он парень свой, не выдаст... Ну и пришла... А там они, вдвоем...

– Но, может, ты не так все поняла? – упрямо произнес Максим.

Он собирался сделать предложение лучшей девушке на свете, а тут такое горькое разочарование. Крах всем его мечтам, крах веры в любовь, веры в людей. В такое не так-то легко поверить с ходу.

– Знаешь, возблагодари Бога, что не ты оказался на моем месте, – сказала Бина и похлопала его по руке. – Поверь, мне бы очень хотелось ошибиться, но они вели себя как одержимые. Для них не существовало никого вокруг... Только вот одного никак не пойму: зачем нужно было морочить нам голову. Им что, нужны были свидетели их неземной страсти?..

Она повернула голову и устремила на Максима взгляд, полный обиды и недоумения. И он, вне себя от обрушившегося на него несчастья, обнял ее и привлек к своей груди. Бина снова заплакала, на этот раз тихо и жалобно. Максим гладил ее по спине и думал: «Говорят, горе надо выплакать. Но как быть мне, ведь не разрыдаешься же с ней за компанию...»

Так и сидели они рядышком, объединенные схожими переживаниями. Еще сегодня утром на работе Альбина называла Латышева на «вы» и по имени-отчеству – Максим Андреевич. А сейчас их сроднило горькое чувство утраты и разочарования, делая служебную субординацию данью ненужным условностям. Даже длительное общение накоротке не смогло бы сблизить их сильнее, чем эти минуты. Каждый из них вдруг понял, насколько тяжелее ему пришлось бы, окажись он один на один со своей бедой...

Глава 5

Мелодия «Тореадор, смелее в бой» прозвучала как гром среди ясного неба. И так же оглушительно. Венчик открыл глаза и обалдело потряс головой, прогоняя полусонную одурь. У него было ощущение, будто он, совершенно обессиленный, лежит на дне глубокой пропасти. Девушка в его объятиях даже не шевельнулась.

Сотовый не умолкал, и продюсер обреченно вздохнул. Судя по мелодии, звонили со студии. А раз он им зачем-то понадобился, надежды на то, что дадут отбой, не было никакой. Они бы до него и мертвого в могиле добрались.

Затаив дыхание, Венчик стал осторожно подниматься с кожаного дивана. Голая спина прилипла к подушкам, отлипла она не сразу и с чавкающим звуком, показавшимся ему очень громким. Он с испугом посмотрел на девушку, смутно вырисовывающуюся на темном фоне. Прикрытая от талии до середины бедра воздушными складками шифонового платья, она напоминала спящую нимфу. Во всяком случае, Венчику именно такое сравнение пришло на ум.

Нахмурившись, чтобы сосредоточиться, он встал на ковре и принялся озираться: откуда доносится бравурная музыка? Определить в потемках не удалось. Тогда, вздохнув, Венчик зажег настольную лампу.

– Черт! – выругался он, когда резкий белый свет залил все вокруг, и оглянулся на лежащую на диване девушку.

То ли от его возгласа, то ли от внезапно вспыхнувшего света она потянулась, провела рукой по глазам и, повернувшись, посмотрела в его сторону.

– Привет, – улыбнулся он ей.

Тина не ответила и медленно села. Поднесла пальцы к вискам и сосредоточенно свела брови, словно стараясь что-то припомнить. Затем глаза ее стали расширяться и в них появилось изумление, быстро сменившееся безмерным ужасом.

– Боже, что произошло? – прошептала она, глядя на Венчика.

Неожиданно он смутился. Раньше ему не задавали таких вопросов в подобных ситуациях. С его точки зрения, все было предельно ясно и требовало изъясления восторгов. Венчик неопределенно пожал плечами и не без облегчения принялся искать жизнерадостно вопящий мобильник. Он должен был находиться в кармане его пиджака. Оставалось лишь определить, где сам пиджак. Оказалось, под письменным столом.

– Слушай, Петрович, если что-то не шибко важное, может, созвонимся попозже? – предложил продюсер, выяснив, что звонит режиссер сериала, который запускался в производство. – Нет?.. Тогда поступай как знаешь... Да-да, разрешаю, пусть будет брюнетка, а не блондинка, раз не желает перекрашиваться. Господи, как хочется послать всех этих актрисулеч куда подальше с их амбициями!.. Ах, не амбиции, а анекдоты. По роли умом не блещет, да еще и блондинка. Ладно, идет, пусть будет брюнетка. Пока, старик.

Венчик положил мобильник на стол и обернулся к дивану. Тина по-прежнему сидела на нем, только натянула платье до самого подбородка.

– Малышка, тебе холодно? – сочувственно спросил Венчик и шагнул к девушке.

Она отшатнулась, судорожно вцепившись в хлипкую ткань.

– Нет, не подходите, – придушенно произнесла Тина и пробормотала: – Господи, как же я могла?

– Что – могла?

Венчик по-прежнему ничего не понимал, а тут еще это обращение на «вы» после всего случившегося. И чувствовал он себя ничуть не увереннее, чем в тот момент, когда услышал первый вопрос Тины: «Боже, что произошло?» «Как же все было хорошо, пока я не включил свет, – подумал он. – Но это все равно пришлось бы сделать рано или поздно».

Он почему-то вспомнил, как впервые увидел Тину и чуть было не принял ее за свою жену Александру. Как-никак они приходились друг другу родственницами, да еще решили тогда нарочно подчеркнуть семейное сходство. Когда-то он по-настоящему был увлечен Александрой. Но потом непостоянство, бывшее, наверное, у него в крови, толкнуло его на путь любовных интриг и интрижек. И каждый из супругов Венедиктовых зажил своей жизнью. Правда, при этом им удалось сохранить видимость семьи и искреннюю дружескую симпатию.

Когда почти год назад Александра при весьма необычных обстоятельствах нашла ему, Венчику, замену, он даже слегка приволокнулся за Тиной. Благо девушка была под рукой и оказалась посвящена в фантастические события того времени, что как-то сближало. Но до более серьезных отношений дело так и не дошло. Во-первых, взирая на Александру, как на недостижимый образец для подражания, Тина никогда бы не решилась занять ее место подле него. А во-вторых, и самого Венчика, по правде говоря, отпугивало сходство девушки с бывшей женой. Получалось, что все вроде бы возвращалось на круги своя. А в одну реку, как известно, нельзя войти дважды... Разве что по незнанию.

Вот и часа два назад он не подозревал, кого заключает в объятия в сумраке приемной. А потом внезапно это потеряло всякое значение. Нельзя предаваться страсти и думать одновременно, особенно когда чувствуешь то, что чувствовал тогда Венчик. Тогда, но не сейчас...

Сейчас он казался себе выставленным голым в яркий солнечный день посреди многолюдной площади. И во всем был виноват недоуменно-испуганный взгляд Тины... Нет, она уже не смотрела на него. Она вся сжалась, опустив голову, как будто над ней надругались или уличили в чем-то преступном.

– Эй, ты чего? – удивленно спросил Венчик и понял, что испытывает страстное желание одеться, пока она не подняла глаз.

– Ничего, – еле слышно прошептала Тина. – И пожалуйста, не смотрите на меня.

Венчик не без облегчения перевел дыхание: значит, у него есть время привести себя в порядок. А там он найдет способ выяснить, что происходит. На его взгляд, все было очень мило, даже более чем просто мило – захватывающее дух приключение с элементом пикантной неожиданности. Но Тина явно воспринимала все иначе. Да, но только с того момента, как он включил свет...

Минут десять они старались не встречаться взглядами и передвигались по приемной чуть ли не на ощупь, отыскивая разбросанные повсюду предметы одежды. Наконец осмелились посмотреть друг на друга. Тина в напряженной позе сидела все на том же диване, обхватив себя руками за плечи. Тонкое шифоновое платье вдруг показалось ей прозрачным до неприличия. Венчик стоял спиной к столу и на фоне зажженной лампы вырисовывался темным четким силуэтом. Он молчал, соображая, что бы такое сказать, чтобы прервать затянувшееся молчание.

Но Тина начала первой.

– Прости, – сказала она, возвращаясь к привычному «ты» в их общении, и Венчик воспринял это как добрый знак. Но дальше все опять пошло из рук вон плохо. – Я не должна была себя так вести, – пробормотала Тина.

– Что?! – От ее слов Венчик чуть было не рассмеялся. Чего-чего, а такого услышать он никак не ожидал.

– Я чувствую себя уличной девкой... – с надрывом продолжила Тина, и она была в этот момент предельно искренна. – Ведь сегодня я должна была встретиться с Максимом. Он явно собирался сделать мне предложение. Ты понимаешь? А я, что вытворяю я? Неизвестно где, неизвестно с кем заваливаюсь на диван... – Она нарочно выбирала слова, которые больно ее ранили. Так Тина наказывала себя за недостойное поведение.

– Эй, почему неизвестно с кем? – обиженно усмехнулся Венчик.

– Да потому, что я понятия не имела, кто накинулся на меня. И вместо того чтобы позвать на помощь или защищаться, я... я... – Тина помотала головой. – Ты должен презирать меня.

«Вот еще. Не дожدهшься», – чуть было не сдохмил Венчик. Но ситуация к шуткам не располагала. К тому же он тоже не сразу понял, на кого, по словам Тины, накинулся. Впрочем, это его мало волновало. Гораздо больше его занимали пережитые ощущения. Уж очень хотелось испытать их вновь.

– Во-первых, не произошло ничего страшного, – принялся он увещевать Тину, однако не рискуя приблизиться к ней. – Такое случалось не раз и не два. Даже существует такое понятие, как «любовь с первого взгляда»...

Тина скривилась, и Венчик поправился:

– Ну не со взгляда, с прикосновения... Ведь ты пойми, все произошло словно само собой. Нас буквально потянуло друг к другу, и нам же было хорошо вдвоем.

– И что с того? Это лишь говорит о моей... – Она сделала паузу, потом выдавила из себя еле слышное: – Порочности. Выходит, мне все равно с кем, да? А как же чувства, душевное влечение?... Любовь, наконец?

Венчик чуть было не взвыл, услышав последнее слово. Любовь! Надо же, чего удумала! Что ж, он должен любить всех, с кем спит? Нет, конечно, ему его «малышки» были не безразличны, и он их любил, но по-своему и недолго. Жизнь-то одна, а соблазнов вокруг, как бабочек на лугу в летний день. Тина же вкладывала в это слово много больше, и звучало оно в ее устах как-то значимее, выше. Как, наверное, у Тургенева. Точнее он сказать не мог, потому что был знаком с произведениями русского классика преимущественно по названиям или с чужих слов. Однако в мозгу тут же всплыло, настораживая: «тургеневская девушка». А это обязывало... Обязывало соответствовать по духу, по возвышенности помыслов, по благородству поступков...

Прикинув все это, Венчик сник. По силам ли ему высокие страсти, заставляющие трепетать все фибры души? К тому же «фибры души» отдавало не только позапрошлым веком, сударем и сударыней, чепцами, корсетами, кружевными зонтиками, но и звучало малопонятно. Не то что современное емкое «трахнуть» или «перепихнуться». Однако жаль, жаль было думать, что пережитый им всплеск эмоций и ощущений останется в прошлом.

И тут в его мозгу словно что-то переключилось, высветив ситуацию с другой стороны.

– Слушай, а тебе не показалось странным, что нам обоим никто не позвонил? Ну, я не имею в виду звонок со студии. – Венчик многозначительно посмотрел на свои наручные часы. – Мы здесь уже почти два часа. Неужели ты полагаешь, что твой Ромео сидит в машине у подъезда все это время и безропотно ждет тебя?

Тина нахмурилась. А действительно, почему Максим не всполошился, не стал выяснять, где она? Ведь с ней могло случиться все, что угодно, еще по дороге сюда. Машина сшибла – тьфу-тьфу-тьфу! – хулиганы пристали... Да мало ли еще чего за два-то часа! На его месте она бы с ума сошла от волнения, обзвонила всех и вся. Уж во всяком случае, поднялась бы в приемную или на худой конец спросила бы у охранника...

– В самом деле странно, – пробормотала Тина и посмотрела на Венчика так, словно искала у него ответа. И тут ей на ум пришла мысль, заставив на время забыть обо всем остальном. – А ты... ты-то как здесь оказался?

Он криво усмехнулся:

– Ты не поверишь, Тиночка, но у меня тут было назначено свидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.